Меценат (прил. к газ. Весть). - Калуга. - 2004. - 19 марта (№3). - С. 4-5

Климов Вячеслав Михайлович (скульптор) 19.03.04

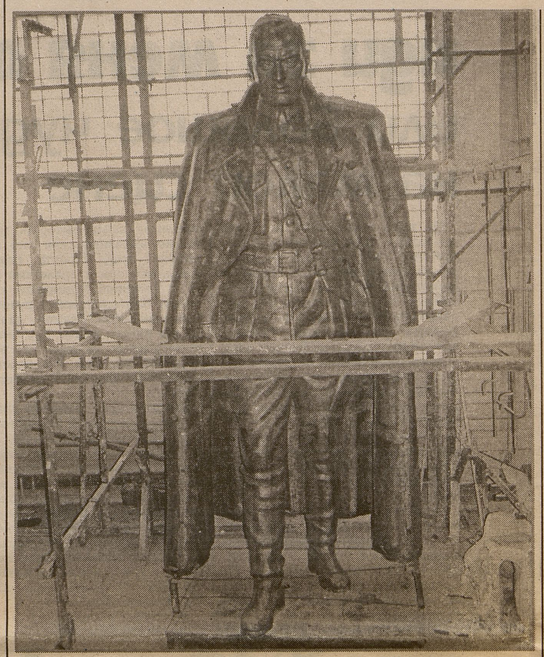
ПАМЯТЬ, отлитая в металле

Побеседовать со скульптором Вячеславом Михайловичем КЛЫКОВЫМ, автором многих памятников, посвященных ключевым фигурам русской истории, было моей давней задумкой. Поводом для встречи послужило завершение работы над скульптурой адмирала А.В.Колчака. Шестиметровый монумент (еще без постамента) стоит сейчас в цехе Калужской скульптурной фабрики, но в недалеком будущем будет перевезен в Иркутск и установлен на месте расстрела адмирала, на берегу реки Ушаковки.

Придя на фабрику, я увидел и другую работу мастера, которая сейчас тоже в стадии завершения, - памятник Василию Макаровичу Шукшину. День его установки уже определен - 25 июля. А произойдет это на родине писателя, на Алтае, у села Сростки.

Обе скульптуры - на первый взгляд, абсолютно разные и посвященные столь разным личностям, - имеют, как мне кажется, и нечто общее. А именно - глубокую и горькую задумчивость, с которой стоит в распахнутой шинели Колчак и сидит, сложив ладони крепких мужицких рук, Шукшин. Понятно, что думы их - о России, о судьбе страны и народа на самом трагичном, решающем этапе земной истории.

Вот и разговор мой с Вячеславом Михайловичем получился об этом же: ведь искусство, политика, древние времена и современность, собственная судьба и творчество, вера в Бога - все сжато в едином фокусе мировосприятия художника, все так или иначе проявляется в его произведениях, в его словах и мыслях.



- Вячеслав Михайлович, недавно в Ростовской области, в г.Сальске, впервые был установлен памятник белому генералу С.Л.Маркову (скульптор В.Суровцев), вскоре будет воздвигнут ваш монумент А.В. Колчаку. В сущности, это памятники всему прежнему русскому офицерству...

- Прежде всего это процесс восстановления правды нашей истории, особенно правды о самом страшном ее периоде, времени гражданской войны. А если говорить об офицерах России, то все лучшие их качества олицетворял собой император Николай II. Александр Васильевич Колчак - также представитель старой воинской школы со всеми ее нравственными ценностями, которые царские офицеры несли не только в русскую армию, но, можно смело сказать, и в мировую культуру. Но, в общем-то, главные воинские качества присутствовали в русских героях еще в древние времена, еще во времена князя Святослава.

- Ваша скульптура представляет адмирала Колчака как бы в последние минуты жизни, уже выходящим на расстрел?

- Замысел такой: он встал и крепко задумался. И не случайно у подножия памятника, на постаменте, изображены два бойца, два брата, скрестивших штыки винтовок. Они в разной форме - белый и красный. И, конечно же, мы тоже до сих пор мучаемся вопросом: что произошло с Россией? Почему так получилось? Можно говорить о революционной катастрофе, находить какие-то причины, но по большому счету понять невозможно. Был чудовищный террористический заговор против России, его последствия. И были личности, которые не смирились с происходившим, которые боролись за Россию до последней капли крови. Александр Васильевич Колчак - один из них.

- Могли бы вы предположить в середине 70-х годов, что когда-нибудь сделаете памятник одному из лидеров белого движения?

- Пожалуй, нет. Но в то же время как художнику мне не пришлось переживать какой-то идеологической эволюции, потому что я никогда не работал в русле советской пропаганды. Да я ей никогда и не верил, даже в школьные годы, когда преподаватель нам говорил одно, а в быту мы видели совершенно другое. Именно с тех пор пошло у меня неприятие лжи, двойных стандартов. И тогда же появился интерес к литературе, которая раскрывала бы правду, историческую правду. Когда я окончил институт и уже серьезно работал, то смог найти для себя канал, своего рода брешь, через которую получал необходимые мне литературные издания. Знаете, когда ставишь себе какую-то важную цель, хочешь чего-то добиться, то судьба обязательно рано или поздно подбросит необходимую книгу; необходимую встречу.

Один из моих любимых авторов, публицистов, общественных деятелей - Николай Евгеньевич Марков-второй. Сейчас издана его главная работа «Войны темных сил». Его я просто обожаю за то, что он никогда не был «кабинетным философом», ему была присуща философия действия. Во всем. Его слово никогда не расходилось с делом, в отличие от многих других, у которых слово само по себе, а дело само по себе. И если говорить о периоде 1918 года, то именно этот человек с его железной волей мог реально изменить ход нашей истории, вернуть власть государю, у него ведь целая организация была. Позже, уже став эмигрантом, Николай Евгеньевич вспоминал (не с мстительной радостью, а с болью за упущенные возможности), как московские денежные тузы давали жалкие гроши на борьбу с большевиками, а потом были ими обобраны до нитки, лишились сбережений, банков, сейфов... Ну а кто успел удрать, то без своего капитала.

- Говорят, что история не терпит сослагательного наклонения, то есть рассуждений о том, «что было бы, если бы...». Как вы относитесь к историческому фатализму?

- Фатализм всегда оправдывает наше бездействие, наше предательство. Нам ведь дана свобода воли - как каждому лично, так и в масштабах народа. В любом конкретном случае фатализм ни при чем: можно перейти реку по мосту, а можно поплыть и утонуть. Так и в истории. Если бы не был убит Петр Аркадьевич Столыпин, выдающийся государственный деятель, настоящий защитник основ российской государственности, если бы сопротивление большевизму шло под знаком восстановления православной монархии, то, убежден, мы не имели бы того ужаса, коим пронизаны события 20-го века. У генералов, стоявших во главе белого движения, был, увы, один недостаток: они не верили в русского царя, они хотели сами въехать в Москву на белом коне президентами какой-то совершенно непонятной республики. Результат печальный и даже трагический. И с их стороны это не ошибка даже, это - недомыслие.

- Ну а нынешние генералы, которые становятся патриотами? Как вы их охарактеризуете?

- Генералы сейчас становятся патриотами тогда, когда им, говоря грубо, под зад коленкой дадут, когда их из армии вышибут. Сейчас подобных «патриотов» видимо-невидимо развелось. Ну, таких, знаете, как в последние дни Российской империи - с банкетами, ужинами, с громкими речами... Единственный генерал, который хотел и мог что-то реально сделать для России, был Лев Рохлин. Его судьбу вы знаете. Когда-то сильное впечатление при личном знакомстве произвел на меня генерал Лебедь. Но он не выдержал испытание властью, «медными трубами». Это испытание вообще мало кто выдерживает.

- Однажды вы выразили намерение восстановить памятник русским воинам на полуострове Галлиполи, месте временного пребывания армии генерала Врангеля в 1921-1922 гг. Осуществится ли этот план?

- Восстановить разрушенный землетрясением памятник - огромную каменную пирамиду, увенчанную православным крестом, на прежнем месте нет никакой возможности. Там сейчас все застроено, местность полностью преобразилась. Галлиполи - территория Турции. И мэр города предложил, я считаю, приемлемое решение: на воинском кладбище, где захоронены английские и немецкие солдаты, погибшие в годы первой мировой войны, отвести участок земли и сделать там некрополь русских воинов-белогвардейцев. Переговоры по этому поводу ведутся давно, и, хотя турки не очень быстро принимают решения, все же дело движется. Вначале планируется установка памятного креста, потом будет создан некрополь.

- А прежние русские могилы в Галлиполи остались?

- Практически нет. Но среди галлиполийцев из поколения в поколение передаются легенды о врангелевской армии, о том, в каком строгом порядке она содержалась, как достойно русские военные вели себя по отношению к местному населению.

- Получается, что турки хранят память о последних крупицах, осколках православной России. И память эта благодарная. Увы, в России сегодняшней бывает подчас совсем наоборот.

- Меня поражает отношение нынешних представителей власти к нашей исторической памяти. С каким размахом отмечалось недавно 300-летие Петербурга, какие колоссальные деньги были «вбуханы» в это мероприятие! А в то же время исполнилось 1100 лет со дня основания древнего Пскова. По сути - 1100 лет русской православной государственности! Но президент Путин на этот праздник не приехал, а питерский губернатор Матвиенко прислала туда какого-то чиновника с приветствием от областного руководства. И все. В самом городе праздник прошел хорошо, но центральные СМИ о нем молчали.

- Зато у нас любят другие праздники, с явной советской окраской...

- Да взять хотя бы 8 марта. Поздравляем женщин с праздником, придуманным какою-то Кларой Цеткин. Ну, кто ее знал в русском народе?! И ведь есть же замечательный праздник - день жен-мироносиц, третье воскресенье после Пасхи. Действительно, чудесный весенний день, все расцветает, хорошая погода... И женщины ведь и в жизни, и в доме должны быть мироносицами.

Или 23 февраля. Неужели наш президент не знает истории или ему не подсказывают? Ведь 23 февраля 1918 года армия, сформированная Троцким из остатков разложенной большевизмом русской армии, потерпела сокрушительное поражение от немцев. Что же мы празднуем, скажите?! День поражения? И Красная армия, набиравшаяся из простых крестьян, создавалась была для борьбы со своим собственным народом. Это совершенно ясно показала гражданская война. И ведь знают же! И президент знает, и его генералы, и те, кто его «пиаром» занимается. Ну, почему праздником защитников Отечества не сделать, скажем, день победы на Куликовом поле, после которой страна наша подлинно осознала себя государством Российским? Так нет, продолжают лить ложь о нашей истории бесконечным потоком на народ, на молодежь бедную.

- Кстати о молодежи...

- Молодежь сейчас просто превращается в стаи волков каких-то, отморозков. Последний пример: на 8 марта один из работников фабрики столкнулся на улице с группой подростков. И его, человека немолодого, вполне безобидного, работягу, эти подонки избили до крайности, ногами били, у него все лицо - сплошной кровоподтек. Да что же это делается?! Я вспоминаю свою молодость: все мы тогда задиристыми были и между собою дрались, но чтобы пожилого человека ударить или вообще кого-нибудь, кто старше нас лет на двадцать?! Такого просто быть не могло! И вот что сейчас сделали с молодежью. Ведь молодых людей, кто задумывается об истории, о судьбе страны, сейчас по России единицы, поверьте.

- Так где же выход, Вячеслав Михайлович? Вот сейчас все громче заявляют о себе сторонники неосталинизма, нового Сталина хотят для России...

- Они одного хотят: любыми путями оторвать людей от Православия. Для этого придумываются и «неосталинизм», и «неоязычество». Любая ересь сгодится, лишь бы оттолкнуть людей от Церкви, лишить веры, православного государственного видения. Триединая формула «Вера, Царь и Отечество» есть стержень российской государственности, и прошлой, и будущей. Без этого Россия как государство идет сейчас к гибели, к исчезновению с лица земли. А русский народ исчезает как народ.

Единственный выход - в том поколении, в котором ростки монархического сознания дали свои всходы. Если эти люди объединятся, за ними пойдет народ.

- А в 1970-е годы ростки православного государственного сознания у русских людей уже были?

- Они были всегда. Даже в годы второй мировой войны, поднимаясь в бой с криком «За Родину, за Сталина!», люди подсознательно произносили «За Веру, Царя и Отечество!»

Я вот сейчас работаю над памятником Василию Макаровичу Шукшину. Он тоже вроде бы коммунистом был, и в то же время по духу своему, по душевному складу он был абсолютно православным человеком. Удивительная личность, удивительный писатель. На иной его маленький рассказ нанизывается практически все наше общество снизу доверху: от самой верхушки до самого последнего нищего. Рассказы Шукшина - это почти притчи. Он очень многое сказал, несмотря на короткую жизнь. И я знаю, что он более всего переживал о русском народе, конкретно - о русском. Василий Макарович нес в себе, может быть, сам об этом и не догадываясь, все качества русского человека. Это был живой нерв литературы. Такого живого нерва, как у Шукшина, ни у одного писателя не было.

- А как вы к творчеству Высоцкого относитесь? В нем ведь тоже некий нерв пульсировал.

- Так же, как и к произведениям Шукшина. Только, конечно, Шукшин - от земли, а Высоцкий на городской почве вырос. Но тем не менее.

- Ну а «блатная», «лагерная» лирика Высоцкого... Как вы ее оцениваете?

- Да у нас вся Россия лагерь сплошной. Вы посмотрите на архитектуру наших городов - это же сплошные бараки с койками. За период советских экспериментов страна вся была превращена в конклагерь. Так что же говорить о соответствующих песнях, когда у нас каждая семья пострадала, у всех кто-нибудь сидел? Одни длительные сроки несли, другие - короткие, а многих вообще к стенке ставили.

Высоцкий и Шукшин были многогранными творческими личностями. Это надо понимать. Мне однажды довелось наблюдать, как на концерте Высоцкого ветераны войны, прошедшие огни и воды, со слезами на глазах слушали его песни. Так он их брал за живое. Казалось, что он на глазах перевоплощается в и горящий самолет, и в моряка-подводника. Это потрясающий актерский талант!

- Вы считаете, что и Высоцкий, и Шукшин все-таки пришли к Богу?

- Да они в душах своих и были верующими людьми. А то, что ерничали иногда в творчестве: «Нет, и в церкви все не так, все не так, как надо...» Ну, ведь были у нас и есть такие батюшки, как в одном из шукшинских рассказов, где сельский поп, подвыпив, кричал: «Верую в коммунизм, в электрификацию!..» Общество у нас больное, оттого и рассказы, и песни такие.

- Как родился замысел шукшинского памятника?

- В этом году исполняется 75 лет со дня рождения Василия Макаровича. Я подумал: кто такую личность сейчас решится запечатлеть? Правительство, что ли? Или губернатор какой-нибудь? Нет. Поехал на Алтай, на его родину. Там есть такая гора - Пикет. Шукшин, когда приезжал в родные места, всегда поднимался на нее, подолгу сидел. Он говорил: «Мне иногда кажется, что это пуп земли». Вот и скульптура, которая будет установлена на этой горе, изображает писателя сидящим, задумчивым.

Ну а деньги на установку этого памятника, как и памятника Колчаку, я и мои единомышленники ищем сами. И в том и в другом случае я, к примеру, отказался от своего авторского гонорара. Вообще же сейчас, слава Богу, есть еще немало русских людей, которые понимают, что память о нашей истории, о личностях, являвших собой духовную мощь России, - основа нашего национального возрождения.

- Если вспомнить недалекое прошлое, то все же не считаете ли вы себя чем-то обязанным советской власти?

- Нет, ничего особенного этой власти я не должен. Государственную премию присудили мне не за скульптуру партийного деятеля, а за оформление детского музыкального театра. Потом я выиграл конкурс на лепку статуи Меркурия в столичном торговом центре. Памятник Федору Батюшкову я сделал для Вологды. С этого началось. Звание «Заслуженный художник России» присвоили мне по представлению Союза художников. Ну, спасибо им за признание! Сам же я вот уже лет двадцать ни в Союз художников, ни в академию художественную не показывался. И никогда ничего там не просил. Мастерскую свою сам себе нашел и отремонтировал. А в представителях нашей творческой интеллигенции меня больше всего возмущает то, что они давно уже превратились в некое продажное сословие, стали послушными пешками в руках любой идеологии. Есть такое качество ужасное - теплохладность. Вот ею сейчас многие поражены.

- Недавно у нас было опубликовано интервью с С.Куняевым, где он подчеркивал необходимость сотрудничества художника с властью...

- Это вопрос риторический. Какая власть? Какой художник? В начале 1993 года Б.Н.Ельцин собрал как-то представителей интеллигенции в Рахманиновском зале Большого театра и сказал: «Дайте мне идеологию!» Начались выступления. Больше всех, три раза, выходил к микрофону Геннадий Хазанов. Я не выдержал и крикнул с места: «Что это вы весь вечер на манеже?» Хазанов собрался было передать микрофон мне, но ведущий встречи писатель Борис Васильев этому воспротивился. Слова мне не дали. А на сцену в мини-юбке вышла Белла Ахмадулина и отвесила Ельцину земной поклон. И, разумеется, все выступавшие были единодушны в одном, требуя «раздавить красно-коричневую гадину», то есть русский народ в лице коммунистов. Все это потом вылилось в октябрьские события. Вот вам пробела: власть и художник.

- Вячеслав Михайлович, вы никогда не скрывали своего неприятия нынешней «демократии», более того - известны своими монархическими взглядами. И в то же время происходите вы из крестьянской семьи. Некоторые считают, что монархия - это возврат к крепостному праву.

- Крайне примитивный взгляд. Настоящее крепостное право я видел в своем советском детстве, когда крестьяне работали не за деньги, а за «трудовые палочки». А царскими деньгами у нас в доме была окрашена крышка сундука. В начале 20-го века в родном моем курском селе Марьмыжи было более 800 домов, а после советских экспериментов их осталось только двенадцать. В 1956 году, во времена Хрущева, был взорван сельский храм Покрова. Эту церковь я сейчас построил заново, к Успению там будет закончена внутренняя отделка. К будущему году в селе появятся и два-три новых дома.

В государственном же смысле нам необходимо восстановить Земский собор как подлинный, исторический орган народного волеизъявления. Не суррогат типа референдумов или выборов, а именно орган изъявления воли всего русского народа, действующий совместно с Поместным собором Русской Православной Церкви. И когда народ, который сейчас настолько оглуплен, одурачен, что вообще никому не верит, возьмет в свои руки дело государственного строительства, тогда и будет решаться вопрос с государе. Тогда Господь Бог и даст того человека, государя, который, может быть, уже родился. Я верю, что это спасение для России, для страны, для будущих поколений, спасение нашей территории, которая дана нам от предков и от Господа Бога. Иначе все раздастся по клочкам. А русских просто будут показывать как индейцев в свое время.

Дмитрий КУЗНЕЦОВ.

Фото Николая ПАВЛОВА.

Вот стоит умирающая русская деревня. Двадцать восемь домов, брошенных за последние два десятка лет, превратились в развалины. Кругом колючки, бурьян, крапива с человеческий рост. И лишь двадцать девятый дом все еще стоит на пригорке, еще дышит, еще живет.

Единственная обитательница этой глухой деревушки - Прасковья, встретившая в первый день весны этого года свой восемьдесят первый год жизни. Сегодня (впрочем, как и всегда) она встала очень рано, накинула на плечи цветной, штопанный во многих местах платок. Поправив съезжавшие тряпичные повязки на больных коленях, сунула ноги в холодные валенки, зашаркала к двери во двор. Старая привычка - кормить живность. У самой двери остановилась. Вспомнила, что единственная животина ее, любимая коза Машка, пропала в конце декабря. Прасковья искала ее несколько дней. Нашла. За развалившейся фермой на окровавленном снегу лежала шкура и голова любимого животного. Проговорила с ней, сидя на снегу, до вечера. Плакала...

Прасковья вздохнула и отошла от двери, растопила печь. Затрещали березовые поленья, по стенам побежали красно-желтые блики. Дом ожил, задышал. Вытерев о подол руки, она оторвала листок настенного календаря-численника.

- Ну вот и весна... Дождалась. С праздником тебя.

Подошла к комоду, над которым висело огромное зеркало. Гребешком зачесала остаток своих редких седых волос назад. Сощурившись, внимательно рассмотрела испещренное морщинами лицо, шею. Затем достала из какой-то коробочки янтарные бусы и надела. Порывшись в яшиках комода, отыскала тюбик с остатками губной помады. Понюхала, накрасила губы.

- Вот, теперь по-нашему, - удовлетворенно сказала Прасковья и отошла на середину комнаты.

Осмотрела свои хоромы. Взор остановился на разноцветных полосатых домотканых половиках.

- Что ж вчерась не постирала? - укорила она себя. - Уже бы высохли.

Валенком сгребла их в угол, оголив серые некрашеные доски пола. Подошла к окну. Ее дом стоит на окраине, на холме. Из окна открывается великолепный вид на речку, поле, редкие стройные березы и дорогу. По ней в июле 1941 года ушел ее муж Алексей.

Замужем Прасковья была всего несколько дней. Может быть, поэтому она очень хорошо помнит каждый час, каждую минуту, каждую секунду своей семейной жизни. Они с Лешкой одногодки. Вместе росли, бегали на речку, сенокос... В 8 лет он вдруг сказал, что женится на ней. С этого момента она стала смотреть на него другими глазами. И все больше замечала, что любит. Любит за его непослушные, вечно торчащие в разные стороны вихры, из-за которых он получил прозвище Одуванчик. Любит за прямоту, честность, простоту. Ничего лишнего с ней он себе не позволял, а как стукнуло 18, сделал предложение. Она этого ждала и была готова. Свадьбу назначили на 21 июня.

Гуляли до утра всей деревней. Гармоника, песни, пляски... Но счастье было коротким. Как гром среди ясного неба грянула война-разлучница. Через 11 дней после свадьбы они при расставании дали друг другу клятву. Он - что вернется, она - что дождется.

Она ждет, каждый день ждет его. Каждый день вглядывается через окно в дальнюю часть дороги, ведущей к деревне. До сих пор она верит, что он вернется. Несмотря на то, что последней весточкой о муже было сухое «тяжело ранен, отправлен в госпиталь».

Прасковья вновь подошла к комоду. Рядом с зеркалом висела такого же размера рамка. За ее стеклом около двадцати черно-белых фотографий. Большинство из них пожелтело от времени. На одной из них - улыбающийся Лешка-Одуванчик, бритый наголо, лопоухий и смешной, в новой военной форме. Это первая и последняя фотография мужа с войны. Она осторожно вытащила фото и долго-долго смотрела на него. По выгравированным губам было непонятно: то ли она улыбается, то ли готова разрыдаться. Очевидно, вспомнились те далекие дни, когда они вдвоем лежали на стоге свежего сена и под трели жаворонка глядели в голубое, безоблачное небо. Мечтали о светлом будущем, о развитии цивилизации, о своих детях...

- Ничего-то у нас с тобою нету, Леня, - вдруг горько всхлипнула Прасковья, и крупная слеза, прокатившись по лабиринту глубоких морщин, громко стукнула по пожелтевшему листку.

- Возвращайся, Лешенька... Ты же обещал...

Тяжело дыша, прижала к груди мокрую фотографию, медленно подошла к кровати с металлическими шариками на спинках - подарку от родного колхоза в день свадьбы. Повернулась и села, подпихивая себе под спину пуховые подушки. Посмотрела на ходики - стоят. Гиря, растянув цепочку, уперлась в пол.

- Надо бы подтянуть, с кукушкой-то оно как-то веселей жить, - тихо сказала она, но вставать не стала.

Сердце как-то странно закудахтало, и Прасковья вздрогнула. Все тело наполнилось беспокойством и страхом.

- Леша, Лешенька, - зашептала еле слышно она. - Я дождусь... Видишь, какая жизнь настала... Все разбежались... Света нет... Радио нет... А я одна... Одна я, милый мой, осталась... Я обещала... Я поклялась... Я жду тебя, голубок мой... Я дождусь...

Прасковья вновь стала вглядываться в окно. И ей показалось, что она увидела кого-то там, вдалеке, на дороге, ведущей в деревню.

- Лешенька, Ле... - странно прохрипела она. - Прости, Леша...

Руки упали на колени. Мокрая мятая фотография с улыбающимся Лешкой осталась лежать на груди. На груди, в которой только что перестало биться сердце. Остывающий взор так и остановился на дальнем краю дороги... Кто закроет эти глаза и когда?

Последний дом умер...

Прощай, деревня. Прощай, дом. Прощай, Прасковья.

Юрий КУЗНЕЦОВ.

г.Калуга

Рисунок Филиппа ОСИПОВА.

236